

ЩАС: ПУТЬ СЛОВА «ИЗ РЕЧИ В ЯЗЫК»

DARIA A. PALSHINA

'SHCHAS': TRANSITION OF THE WORD FROM SPEECH TO LANGUAGE

Статья посвящена описанию функционирования в речи высокочастотной редуцированной формы *щас*. Основательно заняв место в устной речи носителей языка, данная единица широко употребляется и в письменных текстах и даже получила лексикографическую фиксацию в нормативных словарях. В ряде своих употреблений *щас* утрачивает свое лексическое значение и приобретает прагматическое. Таким образом буквально на наших глазах происходит лексикализация исследуемой единицы в ее новом качестве, а также прослеживаются этапы перехода редуцированной формы *щас* «из речи в язык».

Ключевые слова: русская спонтанная речь; закон экономии; фонетическая редукция; аллегроя форма; Звуковой и Национальный корпусы русского языка; лексикализация; прагматикализация.

The article describes the usage of the widespread reduced form 'shchas' in Russian speech. This form has got implanted in colloquial speech, and now is widely used in written texts, and even has received a lexicographical fixation in regulatory dictionaries. In a number of its usages in everyday speech the word loses its lexical meaning and acquires pragmatical one. It testifies the process of lexicalization of the reduced form and allows to trace the stages of the transition of this form from speech to language.

Keywords: Russian spontaneous speech; principle of economy; phonetic reduction; short (reduced) form; Russian speech corpus; Russian national corpus; lexicalization; pragmaticalization.

Дарья Андреевна Пальшина

Аспирант кафедры русского языка

Санкт-Петербургский
государственный университетУниверситетская наб. 7/9,
Санкт-Петербург, 199034, Россия

► ruslangdaria@yandex.ru

Daria A. Palshina

Saint Petersburg State University

7/9 Universitetskaya nab.,
St. Petersburg, 199034 Russia

Научный руководитель:

д-р филол. наук,
проф. Н. В. Богданова-Бегларян

В истории русского языка уже несколько столетий происходит процесс, который можно назвать «аллегризацией» фонетической структуры слова, при котором аллегроя (редуцированная, усеченная) форма (АФ) становится нормой языка. Именно из спонтанной речи, вследствие действия закона экономии речевых усилий, произошли такие формы, как *нет* (из *не-есть*), *вишь* (из *видишь*), *спасибо* (из *спаси Бог*), *пожалуйста* (из *пожалуйте, сударь*) и др. (см. [2: 80]), получившие в дальнейшем свое лексикографическое описание. Сегодня многие аллегроя формы русской речи — *здрасьте*, *пжалста*, *тыща*, *сёдня*, *щас*, *скока*, *тока*, *ваще* и др. — находятся на так называемом пути «из речи в язык», который может закончиться их полной лексикализацией и получением лексикографического описания. Анализ материалов Звукового и Национального корпусов русского языка показал, что современные аллегроя формы находятся на разных этапах движения к новому статусу самостоятельного слова, и позволил выявить своеобразные стадии лексикализации данных форм в языке. Представляется, что на пути к получению лексикографической фиксации та или иная речевая единица должна пройти несколько этапов изменения: фонологического, семантического, прагматического и др.

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 14–18–02070 «Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах»

В настоящей статье речь пойдет об одной из самых частотных форм нашей речи — аллегровой форме *щас* (89,6 % употреблений, по данным ЗКРЯ, 10,4 % — полная форма *сейчас*). Несмотря на то что данная АФ пока не вошла в список самостоятельных единиц нашего лексикона, ее функционирование в устной и письменной речи дает право говорить о том, что эта единица вполне заслуживает словарной кодификации.

Частота употребления единицы приводит прежде всего к изменению ее звукового и письменного облика, затем к десемантизации (ослаблению связи формы и содержания), ресемантизации (приобретению единицей нового значения) и — на завершающем этапе — к ее прагматикализации (изменению речевых функций единицы).

По результатам анализа материалов Звукового корпуса русского языка, единица *сейчас* имеет 4 произносительных варианта, среди которых наиболее частотным является редуцированный вариант *щас*:

сейчас — 10,4%; *счас* — 0,3%; *щас* — 87,8%; *ща* — 1,5%.

Интересно отметить, что каждая выявленная форма отражает один из этапов сокращения фонетической структуры слова: *сейчас* → *счас* → *щас* → *ща* — диереза звукового комплекса ГС (гласный + согласный), ассимиляция согласных по месту и способу образования, усечение конечного согласного.

Таким образом, можно заключить, что единица *сейчас* бытует в нашей речи преимущественно в своих аллегровых формах. Происходит некоторое перераспределение акцентов речевой нормы: ранее нормативная, нейтральная, форма становится утрированной, редуцированную форму *щас* можно отнести к речевой норме, она становится нейтральной, и уже эта нейтральная форма порождает, в свою очередь, редуцированный вариант *ща*. Форма *щас* значительно преобладает в нашей речи над соответствующей полной формой *сейчас*, что дает право отнести ее к речевой норме. Полная же форма приобретает статус утрированной в силу ее возникновения в эмфазе, т. е. когда требуется фонетическое проявление при отсутствии семантического предсказания.

Полная форма *сейчас*, на долю которой, по данным ЗКРЯ, приходится 10,4 % употреблений, появляется в тех случаях, когда эта форма требует, например, логического выделения, ср.:

- так ты мне это предложение даешь / как бы вот (...) ну вот / на *сейчас* или вообще?;
- да / Виктория ну /да вот *прямо сейчас* / вот при вас / я все включаю;
- можно я приду не *прямо сейчас* / а еще через две минуты / можно?

Видно, что часто дополнительным средством выражения логического ударения выступает частица *прямо*. В конструкции *прямо сейчас*, которая встретилась в ЗКРЯ 8 раз, не зафиксировано ни одного редуцированного употребления формы *сейчас*.

Спектр орфографических вариантов единицы *сейчас*, по материалам НКРЯ, довольно широк; всего выявлено 7 вариантов ее написания, среди которых наиболее частотным, так же как и среди произносительных вариантов, является АФ *щас*:

сечас — 0,2%; *сичас* — 7,7%; *счас* — 28,9%; *счаз* — 0,06%; *щас* — 53,2%; *щаз* — 0,3 %; *ща* — 9,6 %.

Следующим этапом на пути единицы «из речи в язык» является ослабление ее семантики. Прослеживаются следующие этапы десемантизации АФ *щас*, ср.:

- 1) — Получается? — *Щас* покажем. Братья Козловы с готовностью засопели (В. Крапивин. Белый щенок ищет хозяина (1962));
- 2) А он — службе верный: он те *щас* покажет, какая у него верность (Г. Владимов. Верный Руслан (1963–1965));
- 3) — Я те *щас* поговорю, «сбесилс», — сказал хозяин (Г. Владимов. Верный Руслан (1963–1965));
- 4) А вот я тебя не боюсь! Я тебя *щас!* — и красивый суховатый кулак потянулся прямо к физиономии (В. Маканин. Андеграунд, или герой нашего времени (1996–1997));
- 5) — *Щас* как пихнусь — костей не соберешь. Малянов смолчал, не поворачивая головы (В. Рыбаков. Трудно стать Богом (1996));
- 6) [Марина, жен] Я? Ха! *Щас* *прямя*! Недостойны они этого! (Разговор двух подруг (2006));
- 7) — ВЗАГС? *Щас!* — любил он повторять (Е. Тихонова. Жениться надо на училках! (2004) // «Амурский Меридиан» (Хабаровск), 2004.12.22).

В примере 1 форма *щас* выступает в роли обычного наречия со значением времени. Далее

в примерах 2–5 ее связь с наречием ослабевает. Выражения *он те щас покажет*; *я те щас поговорю*; *я тебя щас*; *щас как пихнусь* экспрессивны и вполне идиоматичны; по семантическому наполнению форма *щас* в этих конструкциях ближе к частице *вот* (ср.: *Вот как дам тебе!*), нежели к наречию.

Особая интонация, с которой произносятся эти выражения, а также определенный порядок слов позволяют отнести их к так называемым *интонационным фразеологизмам* (см.: [1; 5]) или к *синтаксическим фраземам* (см. список русских синтаксических фразем в: [3: 50–52]). Но в данных выражениях, как представляется, более важную роль играют не интонация или порядок следования компонентов, а употребление аллегрных форм (*тя/те* и *щас*). При использовании полных форм, даже если не обращать внимания на интонацию, смысл высказывания меняется с эмоционального на нейтральный, ср.:

- *Я тебе сейчас дам* (покажу, скажу и др.);
- *Я те щас дам* (покажу, скажу и др.).

Другое устойчивое выражение, в состав которого входят сразу две аллегрные формы — *щас прям!* — проиллюстрировано примером (6). Здесь, так же как и в примере (7), наблюдается семантический разрыв АФ *щас* с наречием *сейчас*. Употребленная в контекстах (6) и (7) форма *щас* приобретает новое значение, которое можно определить как ‘несогласие, отказ, «скептическая улыбочка»’ (ср.: *Простая демонстрация волшебных свойств продукта с призывом купить все чаще порождает скептическую улыбочку: «щас!»* [В. Ляпоров. Евро за доллар (2004) // «Бизнес-журнал», 2004.08.17]). В контекстах (6), (7) форма *щас* с грамматической точки зрения выступает в функции междометия. Такое приобретение единицей нового значения в настоящей статье обозначено термином *ресемантизация*.

Утратив лексическое значение, АФ *щас* нередко употребляется в нашей повседневной речи и в функции заполнителя паузы хезитации, о чем свидетельствуют контексты ЗКРЯ с редупликацией этой формы:

- *так / щас щас щас я // ага / вот они;*

- *так это что / я должен выйти в... в это вот / (э-э) выйти // щас щас щас // ну подожди;*
- *что такое? сейчас // *П щас щас щас щас щас / да да да да да да да // *П шмяк / шмяк / шмяк / шмяк // так / шмяк шмяк // что у нас тут со шмяком получилась / хорошо всё.*

Таким образом, процессы «вымывания» семантики, или, в другой терминологии, «обесцвечивания» («bleaching») слова (см. [7: 605]), а также его ресемантизации, расширяют круг контекстов, в которых эта единица может функционировать. Следовательно, изменяется и ее частеречная принадлежность. Как было проиллюстрировано выше, в некоторых контекстах АФ *щас* употребляется как междометие; таким же образом *вишь* когда-то стало частицей, *слышь* — вводным словом, *спасибо* — также междометием и т. д.

Иными словами, происходит процесс *прагматикализации* (см.: [8: 288, 296; 9]), в ходе которого определенные грамматические формы, отдельные лексемы переходят на коммуникативно-прагматический уровень языка и иногда становятся «сугубо прагматическими единицами, выражающими различные реакции говорящего на окружающую действительность, и имеющими форму самостоятельных высказываний» [8: 296]. Е. Граф иллюстрирует данный процесс примерами производных междометий, таких как *Брось!* *Будет!* *Скажите пожалуйста!* *Спасибо!* *Здрасьте!* и др. (в данный перечень можно добавить и форму *щас!*). Так, аллегрная единица *щас* может относиться к «междометным прагматам» [Там же: 297], которые отличаются от своих производящих этикетных форм тем, что приобретают новую семантику, прагматику и просодику, а также синтаксическую независимость.

В завершение еще раз отметим, что при передаче языка от поколения к поколению некоторые единицы нашей речи семантически «обесцвечиваются», «изнашиваются»; процессы де-, ресемантизации и прагматикализации ведут к возникновению новой самостоятельной единицы: «Слово <...> „изнашивается“ даже на протяжении речевой практики одного и того же индивидуума или одного и того же поколения. Естественно поэтому, что младшее по отношению к данному поколению усваивает — на правах исходного для

своей речевой практики „стандартного“ шаблона — уже „изношенный“ в звуковом отношении скороговорочный дублет слова, и само уже начинает сокращать („изнашивать“) его далее. В итоге мы и получаем такого рода явления, которыми наполнены истории всевозможных языков...» [4: 83]. Доставшиеся нашему поколению уже лексикализованные редуцированные формы *спасибо* и *пожалуйста* на современном этапе развития языка вновь подвергаются усечению:

- *спаси Бог (Боже) Ъспасибо Ъпасибо, насиб, псиб;*
- *пожалуйте, сударь Ъпожалуйста Ъпожалста, пжалста, пжаст и т. п.*

Эти редуцированные формы пока далеки от лексикализации, но вполне возможно, что и единица *щас*, и другие подобные АФ — по определению Л. В. Щербы, «зародыши будущих языковых состояний» [6: 143] — закончат свой путь «из речи в язык» полной лексикализацией и получением соответствующего лексикографического описания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архипецкая М. В. Интонационные фразеологизмы со значением эмоционального отрицания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2012.
2. Богданова Н. В. От слова к слову, или К чему приводит лень человеческая // Матер. XXXVI междунар. филол. конф. Вып. 17. Фонетика. 12–17 марта 2007 года / Отв. ред. М. В. Гордина. СПб., 2007. С. 77–84.
3. Коптев М. В. Принципы синтаксической идиоматизации. Helsinki, 2008.
4. Поливанов Е. Д. Где лежат причины языковой эволюции? // Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
5. Светозарова Н. Д. Интонационные фразеологизмы со значением отрицания // Матер. 27-й межвуз. научн.-метод. конф. СПбГУ, Секция фонетики. СПб., 1999. С. 34–37.
6. Щерба Л. В. О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слова // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 141–146.
7. Bybee J. Mechanisms of Change in Grammaticization: The Role of Frequency // Joseph B. D., Janda J. (eds.) The Handbook of Historical Linguistics. Oxford, 2003. P. 602–623.
8. Graf E. Interjektionen im Russischen als interaktive Einheiten. Frankfurt am Main etc, 2011.
9. Günther S., Mutz K. Grammaticalization vs. Pragmaticalisation? The development of pragmatic markers in German and Italian // Bisang W., Himmelmann N. P., Wiemer B. (eds.) What Makes Grammaticalisation? A Look from its fringes and its components. Berlin; New York, 2004. P. 77–107.

REFERENCES

1. Arkhipetskaia M. V. (2012) Intonatsionnye frazeologizmy so znacheniem emotsional'nogo otritsaniia: avtoreferat dissertatsii. St. Petersburg. (in Russian)
2. Bogdanova N. V. (2007) Ot slova k slovu, ili k chemu privodit len' chelovecheskaia. In: Gordina M. V., ed. (2007) Materialy XXXVI mezh-dunarodnoi filologicheskoi konferencii, issue 17. Fonetika. 12–17 marta 2007 goda. St. Petersburg, p. 77–84. (in Russian)
3. Kopotov M. V. (2008) Printsipy sintaksicheskoi idiomatizatsii. Helsinki. (in Russian)
4. Polivanov E. D. (1968) Gde lezhat prichiny iazykovoi evoliutsii? In: Polivanov E. D. (1968) Stat'i po obshchemu iazykoznaniiu. Moscow. (in Russian)
5. Svetozarova N. D. (1999) Intonatsionnye frazeologizmy so znacheniem otritsaniia. In: Materialy 27-i mezhvuzovskoi nauchno-metodicheskoi konferencii. SPbGU, Sektsiia fonetiki. St. Petersburg, p. 34–37. (in Russian)
6. Shcherba L. V. (1974) O raznykh stiliakh proiznosheniia i ob ideal'nom foneticheskom sostave slova. In: Shcherba L. V. (1974) Iazykovaia sistema i rechevaia deiatel'nost'. Leningrad, p. 141–146. (in Russian)
7. Bybee J. (2003) Mechanisms of Change in Grammaticization: The Role of Frequency. In: Joseph B. D., Janda J., eds. (2003) The Handbook of Historical Linguistics. Oxford, p. 602–623. (in English)
8. Graf E. (2011) Interjektionen im Russischen als interaktive Einheiten. Frankfurt am Main etc. (in German)
9. Günther S., Mutz K. (2004) Grammaticalization vs. Pragmaticalisation? The development of pragmatic markers in German and Italian. In: Bisang W., Himmelmann N. P., Wiemer B., eds. (2004) What Makes Grammaticalisation? A Look from its fringes and its components. Berlin; New York, p. 77–107. (in English)